

ВЛАДИМИР БАУЭР

TERRA CIORANI

Центр актуального искусства
Издательство журнала «Звезда»
Издательство RK-Publishing

Санкт-Петербург
2011

III

Писать нужно, не думая о прошлом, о будущем, даже о настоящем. Нужно писать для тех, кто *знает*, что умрёт, и для кого ничтожно всё, кроме *времени*, когда перед ними стоит эта мысль о смерти.

Вот к такому времени и нужно обращаться.
Писать для гладиаторов...

Эмиль Чоран

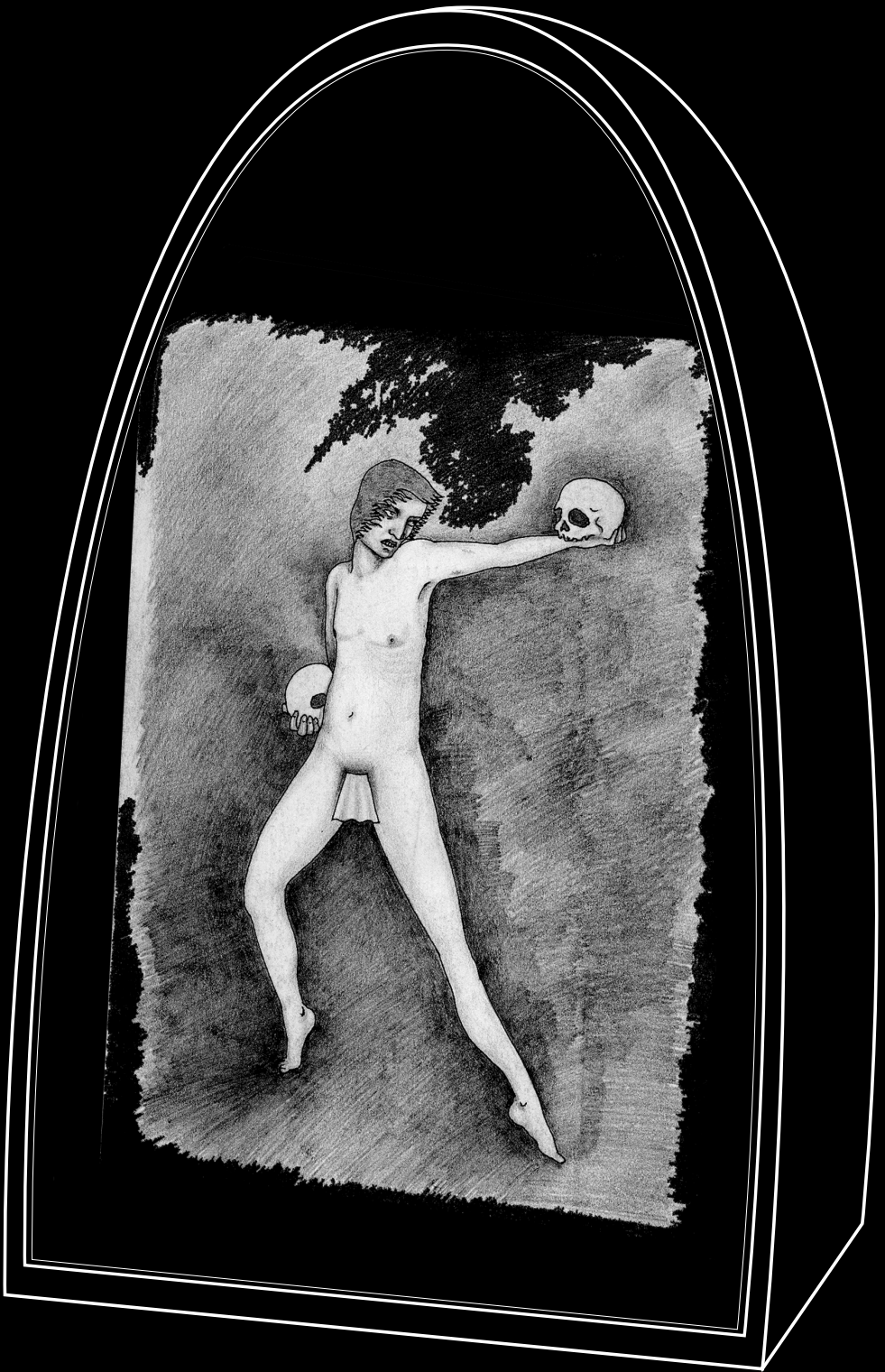
У меня в жилах не кровь, а мрак.

Эмиль Чоран

Мёртвые на мёртвых разговаривают языках,
над собою страны небольшой не чуя
беспеременнодышащих, – этакий недопрах,
божолё бестолковое, на что-то там претендуя,
бродит, ёрзает, много чего боится, ругается словом «ах!».

В мёртвых шевелятся мыслящие червячки,
из андеграунда в андеграунд переползают тайные знанья.
К червячкам по ночам за свежими новостями
слетаются светлячки,
внимают доверчиво
прелестям копошенья и умиранья.

Славься, стлевший живот, лядвие с, так сказать...
От смерти, входя в неё, как в насмешливую брюнетку, –
только чтоб оказалась длинной, – нечего больше желать, –
слышно в скверном их переводе
вставшему на табуретку.

ЗЛОЙ ДЕМИУРГ

VIII

Какой это позор – смерть!
Вдруг превратиться во что-то...

Эмиль Чоран

Терзаться ль тленьем тле?
Свободы суть нагая
витает на метле,
к себе не допуская
ни помыслов порыв
дурашливого роя,
ни жалобы мотив
согбенного героя.

Все 100% тли
погибель поимеет.
Прозрачный зрак петли,
пред коим цепенеет
цветенье всех сортов,
следит удавьим взором
калейдоскоп понтов,
салют перед позором.

Не бренность, удила
Пегаса натянувши,
клянущ, существ тела
(да и хотя бы туши!)
в неаппетитный прах
крошащую, –
но знанье
о сём.

Его б в котлах,
на радость мирозданья,
жестокое, живьём
сварить, срубить в котлеты,
испытывать огнём
на сорном бреге Леты;
шнурками прикладных
наук стянуть запястья,
а в глотку ледяных
осколков самовластья
изрядно напихать,
дабы свербило в брюхе.

И петь, и танцевать
в лад безмятежной Псюхе.

IX

Всё у меня начинается нутром, а кончается
формулой.

Эмиль Чоран

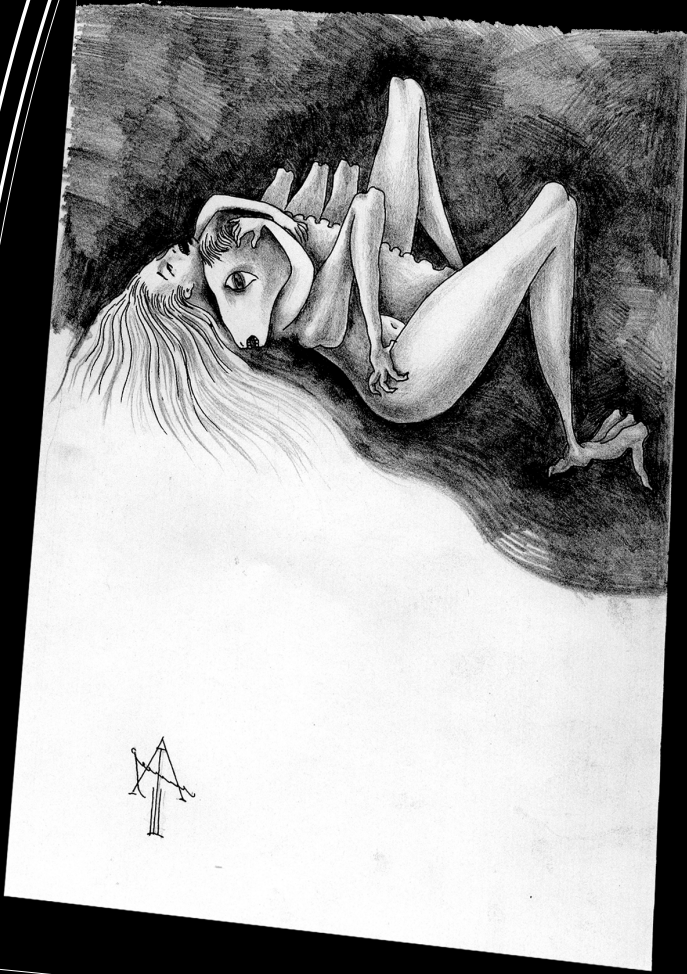
Мне не терпится отведать
уличной еды.
Голос разума спровадить
ведомо куды.

Та же с девами петрушка
(что за нынче день!) –
непугливой лани ушко
целовать не лень.

Ах, мой Августин, любая
не свежа мораль.
На дверях повесь сарая
вывеску **«Сераль»** –
все дрова загадят в оном
и траву вокруг.
Что ж доступным девьим лоном
брезговать, мой друг?

Что ж кичиться пред шавермой
тем, что сам лайй?
Облой и озёрной скверной
души отворяй.

Жемчуга собирай меж створок,
вдоволь запаси.
Тем от адových конфорок
и откуписси...

ХІ

Лора

Самое загадочное на свете –
предназначение тела.

Эмиль Чоран

Зимую открываю форточку,
впускаю воздух, чтобы пах,
и подставляю снегу мордочку –
аж прямо иней на клыках!

С любимым вечер, слаще патоки,
вдруг вспоминаю хищным телом
(он предложение мне так-таки,
как ни стонала я, не сделал).

Весна уж чувствуется в скукоженном
промерзшем воздухе из фортки.
Ах, помню, в приступе восторженном
я все его сожрала фотки!

Кому теперь вилять с приятною
тугим хвостом?

Поджавши оный,
удрал мил-друг, пропал за Клязьмою,
забыл мой облик лунно-лонный.

Ловлю снежинки, обреченные
на смерть в каморке с батареей...

Зачем сердца ожесточенные
с моей душою-лорелей
играют в эти игры зверские,
беспечно мчат на рифы страсти?!

На мой златой лобок плебейские
слюнявые раззявив пасти!

XII

Я существую отдельно от всех своих чувств.
Я не могу понять, как это получается.
Я даже не могу понять, кто их испытывает.
Впрочем, кто этот я
в начале каждого из трёх предложений?

Эмиль Чоран

Та комната в лишае и фэншуе,
где мы с тобою предавались снам,
куда носил премило анашу я,
частенько, чую, будет сниться нам.

Трамваев черепашьи перебежки
мы слушали, планируя в раю,
и, смелый гном, сдувал я с Белоснежки,
как с ёлочки, пушистую хвою.

И, если бы мы сахарными были,
друг в друге без остатка бы...

Пущай
тут химик ухмыляется – любви ли
смешною быть в диковинку?

Прощай,
последний сквот, евроремонт в сердце
ужаленный, теряющий права.
Что счастье – как не в прошлое глядеться,
безумье в коем, женщина, трава?

Ни жалости, ни жадности не чую,
припоминаю, лежа на других
поверхностях.

И всё, чего хочу я, –
не позабыть мгновений чудных сих!

XIII

В книгах по психиатрии
я читаю только высказывания больных,
но не комментарии автора.

Эмиль Чоран

Я в первом классе ненавидела читать,
и мать не знала, что со мною делать,
и записалась на макулатуру,
и Толкиена прикупила мне.
Вот с тех-то пор я плотно прикипела
ко всякой готике и брак с толкиенистом
(к несчастью, неудачный – не тому
учили игры ролевые)

заключила.
Лилейность чутких персей отдала
ладоням вечнопотным, неумелым.

Вот случая могущество!

Маман,
Зачем ты Трех хотя бы мушкетеров
мне не подсунула?!

На розовый талончик
Граф Монте-Кристо также выдавался
и Драйзера Трагедии кирпич...

Хоть и сменила я теперь пластинку,
отнюдь бытё уютнее не стало, –
во внутренний поправ круговорот
борьбы сверхзапрещённых тайных обществ,
безумные наживки Парвулеско
глотая глупой рыбой...

– Что за чёрт?! –
отчаянье рассудок вопрошает,
таращащийся мутными глазами
на проблематики экзистенциональной
летащее навстречу остриё:
– Коль человек свободен от страстей,
то власть над гномами ему на кой, о Боже?!

XIV

*Из европейской поэзии исчез крик.
Осталось жонглирование словами,
художества акробатов и эстетов.
Эквилибристика пустозвонов.*

Эмиль Чоран

Какие-то святые мощи мы целовали –
слава Богу, никто ничем так и не заразился.
В архизорком, сверхбдительном чьем зеркале
наш перформанс рисковый
с бесовскою срифмовался
плотоядной ухмылкой?

В посмертном чего астрале
ожидать?

Вот аквариумные рыбки-вуалехвостки
тож резвятся, коряги им брошенные гóвнами полируют.
А какие пакости проделывают подростки!
Конduitный ужели всех их фиксирует поляроид?

База данных мощна ли учёта мерзостей невеликих,
предъявляемых бледным душам почивших в бозе?
Демииург-прокуратор не запутался ли в уликах?
Не обрыло ль Архангелам

на полном судить серьёзе
за поджог кузнечика, отягчённый чечёткою на улитках?

Други! Истинно вам говорю: заражённые постмодерном,
с модным запахом серы из-под крылатых подмышек,
они так прикалываются,

нас к некрупным склоняя сквернам
(что-то вроде прививок для засранцев-приготовишек).

XV

Памятник (приквел)

Этот подслеповатый человечиска нескольких дней от роду,
который, неведомо чего ища, вертит во все стороны головой,
безволосым, по младенчески плешивым черепом,
эта ничтожная макака, которая несколько месяцев пролежала
в отхожем месте, скоро, позабыв о собственном происхождении,
будет свысока поплёвывать на весь мир...

Эмиль Чоран

Кради эмоции и пени,
гуляй навроде Крика Бени,
корми ораву и шалав.
И вот – атас – уже главарь ты,
во здравье стучаются кварталы
и полупинты, и – I love...

Да, жизнь слюнява, снобовита,
мутанты-кролики *in vita*
of brandy veritas вопят.
Ну всё, трепач, отродье бесье,
блокируй судоржно отверстье
болтательное, бьёт набат.

С Олимпа рёв свирепый то бишь:
Какого беса бисер топишь
в говне коровьем, царь свиней?!
Силентиума сублимацью
сменил на пошлую овацью
да плоть нимфеточью, плебей.
На что, истрёпанный, сгодишься,
потешным тленьем обуглён?!
Не допушу тебя к менадам
ни на вакации, ни на дом.
В утробе преи пустых времён!

Прикинь, приятно, Аполлоша,
в санях с пейзажкой преть, пороша
путь грешный замечает, ноша –
пух для бубенценокных вый.
В плену у племени пируя,
зрю сны, что весь я – не умру я.
Язык мой, в колбе заспиртуя,
взамен твоей пустой главы

потомки зафигачат...

XVI

Не верь мы в свою звезду, не могли бы сделать
без усилий даже самой малости: выпить стакан
воды и то казалось бы нам грандиозной,
чуть ли не безумной затеей.

Эмиль Чоран

Ещё чуть-чуть – и всё непоправимо
исправишь ты в механизме судьбы...

Ну что, докажем? – жизнь искривима
и вздёргиваема, как мишка, на дыбы?

Мы – дрессировщики весеннего кипенья,
пожара летнего, осеннего дождя,
внезапно смертных тел весёлого сплетенья
продюсеры...

Существовать, не ждя
вечнозапаздывающей от случая награды, –
вот счастье, вот твоя, прямая речь, цена!

млады постмодернисты (молчи!) [Не потому ль
с тобой

разучивали

Камасутру?]

XVII

Эйфория, бедная родственница экстаза...

Эмиль Чоран

Когда капризного кондома
колечко враз не раскрутить, —
как между Сциллою

истома
сдувается и
«не чем крыть»
картёжника...

Прости, чуть спортил наш непринужденный гламур.
Но совладал.
Успехов в спорте желает на ушко́ амур.

XVIII

Неисцелимым должен бы по чести называться
лишь один недуг на свете — Желание.

Эмиль Чоран

– Ты возбуждаешь меня постоянно.
– Мне не хватает твоей любви.
Так говорили рояль с фортепьяно,
а их подслушивали соловьи.

– Есть ли у вас трава такая?
– Да, у нас можно переночевать.
Титьки, резвяся и блистая,
будут в пламенный рот влетать.

Славься, обдолбанный миг пониманья,
неуловим, как чёрт-альбинос.
О, опороченные упованья!
О, поцелуй непрременный взасос!

Боком проклятая кушетка.
Трахают Юнга, Софию забыв.
Сломан сачок, но цела ракетка.
Что, зелена, говоришь, нимфетка?

Смеха любовного жадный взрыв.

XIX

Глядя в британском музее на мумию певицы,
у которой из-под бинтов видны ноготочки,
я напоминаю себе, что зарёкся произносить слово «я»...

Эмиль Чоран

Мне больно, а тебе не больно.
Спи вольно, изменяй невольно.
Мне мнемозинно и бемольно,
тебе смешно и алкогольно.

Ку-ку, болванка-растаманка!
Позажигай, дивчина гарна.
Почуять клитором, где пьянка,
ты можешь и впорхнуть шикарно.

Взбухают вены кровеносны,
трещат возбужденные брюки...

И представленья наши розны
фундаментальные о скуке.

Порхай, в оргазмах умираю.
Ни раздраженья, ни обиды.
Под коркой заживает ранка,
рыданье смолкло аониды.

Не затихает боль в груди лишь.
Немного страшно – не навеки ль?
Крепчает вечер. К звёздам выйдешь –
и видишь: **перес, мене, текел...**

XX

Снег, иначе говоря, — детство,
иначе говоря, — счастье.

Эмиль Чоран

нигде спасенья нету
нет

нигде спасенья
нас гложет ультрафиолет
свербят затменья

на теле сыпь в мозгах червяк
на сердце рана
и женщина для просто так
и ресторана

зачем же музыка во мне
а в чреслах негя
и не кикимор зрю во сне
но хлопья снега

идёшь не чувствуя подошв
на спины глядя
и ничего уже не ждёшь
хоть болен дядя

XXI

Совершенно невообразимо,
чтобы бог или даже человек произошел в результате
неких
гимнастических упражнений,
завершающихся хриплым стоном.

Эмиль Чоран

Во мне живёт воспоминанье,
а в нём живёт переживанье,
в переживаньи тож живёт
какой-нибудь нелепый плод.

Вот так клубится бестелесый
и молчаливый мир во мне.
О нём прекрасно знают бесы,
все в вожделения огне.
Змеясь, вокруг меня оне
плетут хвостаты политесы.

Вяжу им мысленно хвосты,
чтоб, слабины не дав, забыться
упрямым сном. А в нём плоды
спасённые летят резвиться
бесовски чёрной близ воды.

Морзянка медлит, горн трубит,
гетера мудрая хохочет.
Ревёт, и стонет, и кипит,
и никого рожать не хочет
изнемогающий пиит.

А ты, моих седых оплот
ночей, наездница-отрада,
зачем завешь желаешь плод
из крови и соплей?

Не надо
бояться смерти так и ада!

Уж в нас они.

Стучат в живот.

XXIII

Если время от времени нас соблазняет вера,
то лишь потому, что она предлагает иной вид смирения:
всё же лучше оказаться в зависимости от Бога,
нежели от человекообразного существа.

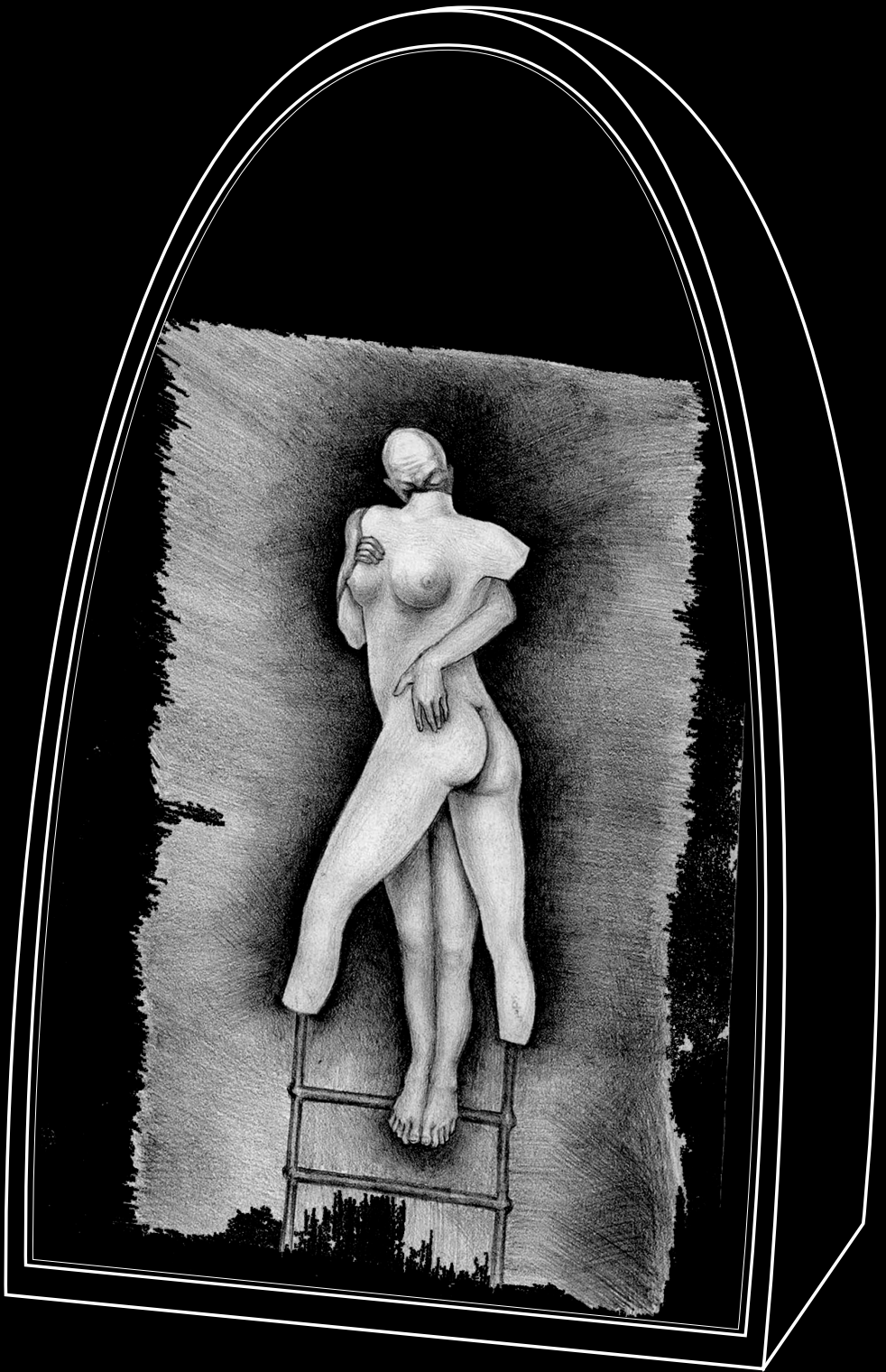
Эмиль Чоран

Когда меня захочет бох,
глубокий сделает он вдох.
Все будут думать – я издох,
не смог придумать лучше, лох.
А я, объятый
воздушным коконом, вертим
небесным воздухом (интим
божественный какой-то),
им
приснюсь, крылатый.

Желает губ твоих мой рот,
вдыхает чёрствый кислород,
но кто из нас уже не тот,
подскажет разве что Фагот,
сверкнув очками.
Мы больше не одна струна,
как ни верти – конец кина.
Меж полуночных туч луна
летит скачками.

И видит воспалённый взор
то, что лишь чуял до сих пор:
ладонь меняет свой узор,
сочится пот из новых пор,
а воздух дымен.
Но ужас, видно, вышел весь,
когда я, свой утратив вес,
за трансцендентный занавес
исчез, как демон.

Так вот, теперь, когда всё прах
и твой другими нежим пах,
а я как бы на облаках
с хуйнёй какой-нибудь в руках,
скажу, не целясь:
Вытьё, бытьё, блядь, колотьё,
шмотьё, бабьё, блядь, мужичьё,
адьё – уж поднял остриё
прежуткий Цельсий.

ОБОСТРЕНИЯ

Музыка

Я никогда не мог понять, что такое *бытие*, за исключением нескольких минут, не имевших ни малейшего отношения к философии.

Эмиль Чоран

Скрипачку я отсаксафонил,
а тромбонистка усвистала.
Я в этой жизни мало понял,
а в том, что понял, проку мало.

Отпидарасил баяниста,
а балалаечник утёк, блин.
Я в бытии не вижу смысла –
что делать в нём большим и тёплым?

Все, вырвавшись, меня бросают:
Маньяк, кричат, Батай-редиска!

Но снится, дуется, щипает
та, с балалайкой, тромбонистка.

XXVII

Он бросил литературу: скрывать было больше нечего.

Эмиль Чоран

Кореянку в малые половые
целовал однажды по пьяни губы.
Заявляю ответственно – никакие
не растут у них там клыки и зубы.

А тянуло ль оттель ароматом пёсьим –
не отвечу, не нюхал из благородства.

...Жил б Толстой – как лев, б́ухал б шапкой оземь:
Онанизм и поэзия – тоже скотство.

XXVIII

СТРЕКОЗА

Господи, не дай мне погибнуть в этом огне, —
а мой он или Твой, я не знаю.

Эмиль Чоран

*Количеством увиденных стручков
девицы искушённость измерима ль?*

Тоска не мешает смеяться,
и трахаться можно в тоске,
сжимать волосатые яйца
и жжение чують в соске.

Заменит ль драгого бойфренда
колхозное поле стручков, —
узнаю в конце уик-энда,
лишившись трусов и очков.

Их много, их, может быть, двадцать!
Хуй-счетчик мотаться вспотел.
Увы! тосковать и ебаться —
таков мой всеночный удел.

Любовь — регулярная мука...
Помысли ж о жизни моей
и в спальню ввалился без стука —
с разбухшим бревном муравей!

XXIX

Я искал спасения в утопии и нашел некоторое утешение
лишь в апокалипсисе.

Эмиль Чоран

Вот сочувствие отдаётся, дешевет благодать,
растворяются воротца в Тальи приснувшей ра[й]ёк.
Там, где даже аонидам воспрещается рыдать,
что забыл, тоскливой музы отщепенец-экстремал?

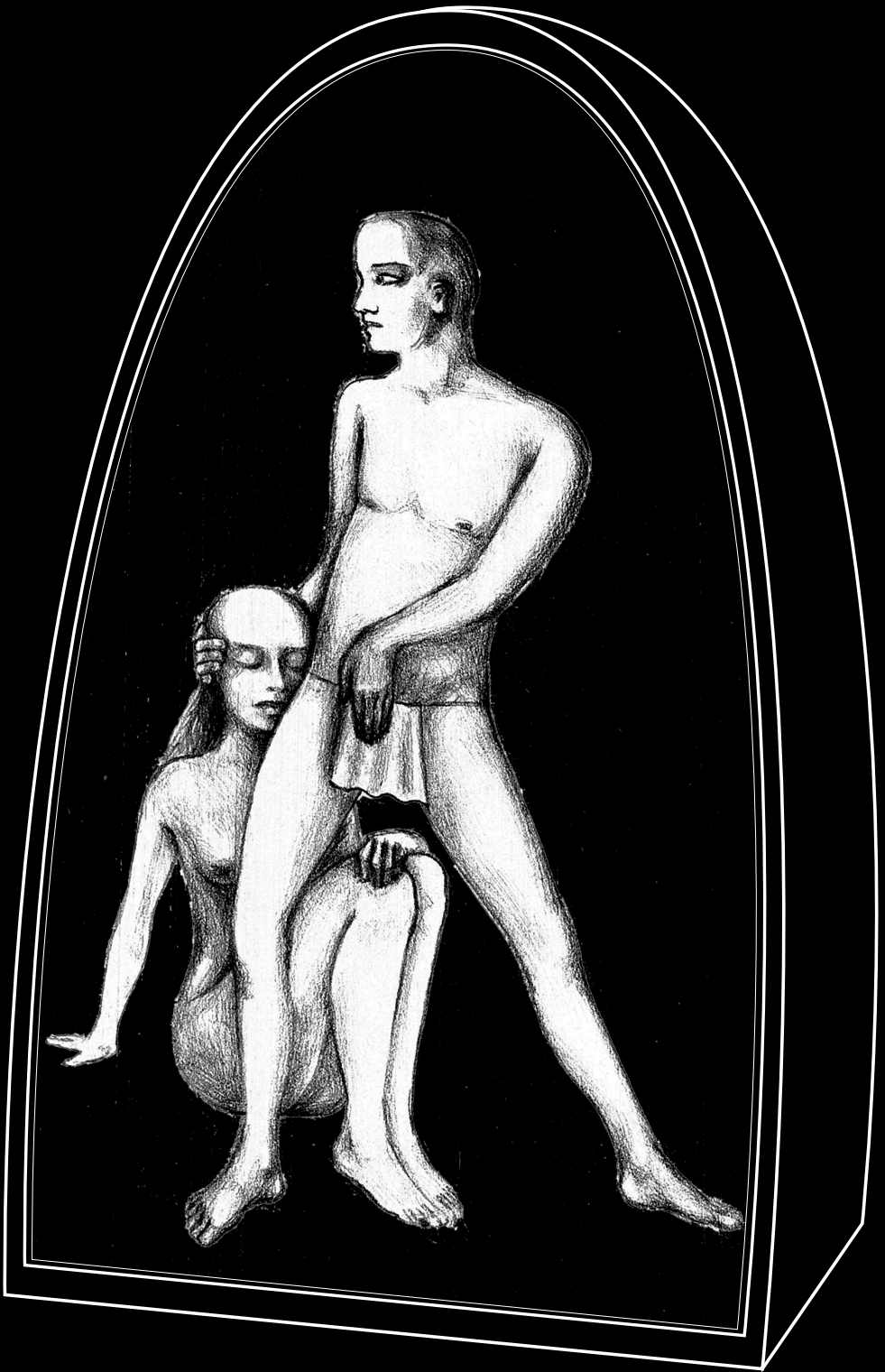
Как, Овидий постзапойный, в мармеладной сей норе
огнь добудешь сердцебойный, породишь певучий пепл?
Все слова давно проеты, сколь ни ройся в словаре,
лишь багрово-бурой слёзке даден ныне тухлый шанс.

...Над рассерженной Минервой с мухобойкою косой,
ржа, лилейности не первой, крылышкует сонм Лолит.
С легкодоступною слился рок возмездья стрекозой,
и перпетуум-мобил-ебля торжествует, не чинясь.

Всё безумье от стрекóзы, вся беда от соловья.
Носороги-бомбовозы на Эдем летят.

Адам
прёт по взгорьям и долинам, не боится ни хуя.

И слеза летит, как мина,
и пиздец, чего уж там...

XXXI

Как низко должно пасть чувство,
чтобы превратиться в идею.

Эмиль Чоран

Я пытаюсь понять поэта
как кинодокументалистка.
При этом веду себя словно
похотливая одалиска.
Падаю ниско-ниско, в эрогенную зону риска.

Только животные темы
естественны для поэта.
Ему если что и нужно
кроме качественного минета –
то перо после оногo в лапах,
меж жолтых клыков сигарета.

А как он неровно дышит,
вгрызаясь в мякоть Улисса!
Вот тут, – рычит, – охуеть,
а здесь вообще заебися!
С каждым рывком набухает поэтова сладкая пися.

Как завтра у высоколобых
буду борцов с путинизмом

брать интервью, смеяться
их беспомощным клизмам?
Не завязать ль с муляжированием, сраным таксидермизмом?

Преследовать правду жизни – грязнее нет работёнки.

Ах, приварить б душе трубочки и заслонки,
ввинчиваться в подсознания воюющие потёмки...

XXXIII

Агония – любопытная вещь,
особенно агония теоретически презирающего её циника.

Эмиль Чоран

жена любовница и хуй
МОИ давно уже скучают
страстишки робкие за буй
благоразумья заплывают
обдолбанными лишь и то
недалеко и ненадолго

пора видать на свалку морга
души унылому пухто

пора пора уж детвора
взрослеет спермой налитая
хладеет тела кожа
поёживается сметая
дня шелуху с колючих звезд
ночь – чёрной истины кассандра

стучит в мозгу глухая мантра
бытья кончается арест

ну здравствуй созерцанья плен
я – веришь? – жилистый костылин
неисправимый гуинплен
химерой новой пьяный силен

позабавляемся ужо
порвём ещё силки бессилья...

Я здесь пока что, Инезилья.
Тут, где и душно и свежо.

Песни чижики

Мой идеал письма: навсегда заглушить поэта,
 которого в себе носишь; стереть малейшие следы лирики;
 перешагнуть через себя, отречься от взлётов;
 затоптать любые порывы и даже их конвульсии.

Песнь первая Эмиль Чоран

Каждый сам выпархивает как может
 из непередаваемой пизды слов.
 Там сосёт фиалка, репейник гложет,
 субтитры на языке маяя клянут любовь.

Влажное лепечут губы-волнушки,
 что-то вроде: *Куда улетаешь, юнгоёб?*
Музы, глубоколонные подружки,
отмстят тебе, не бывало, иначе чтоб.

Песнь вторая

Дочки, наглые, как дети,
 охуев, зовут отца:
Тятя, тятя, наши сети
притащили наглеца –
у него даж при минете
амнезия, блин, конца!

Искра божия не знает
 ни заботы, ни стыда.
 То, как Талия, гогочет,
 то рыдает, как пизда.

Веселясь в библиотеке
 Салтыкова-Щедрина,
 предаваться меганеге
 Михаила Кузмина
 уморительно, ребята,
 хоть рассерженная даль
 то шамальнёт из автомата,
 то с небес швырнёт миндаль.

Песнь третья

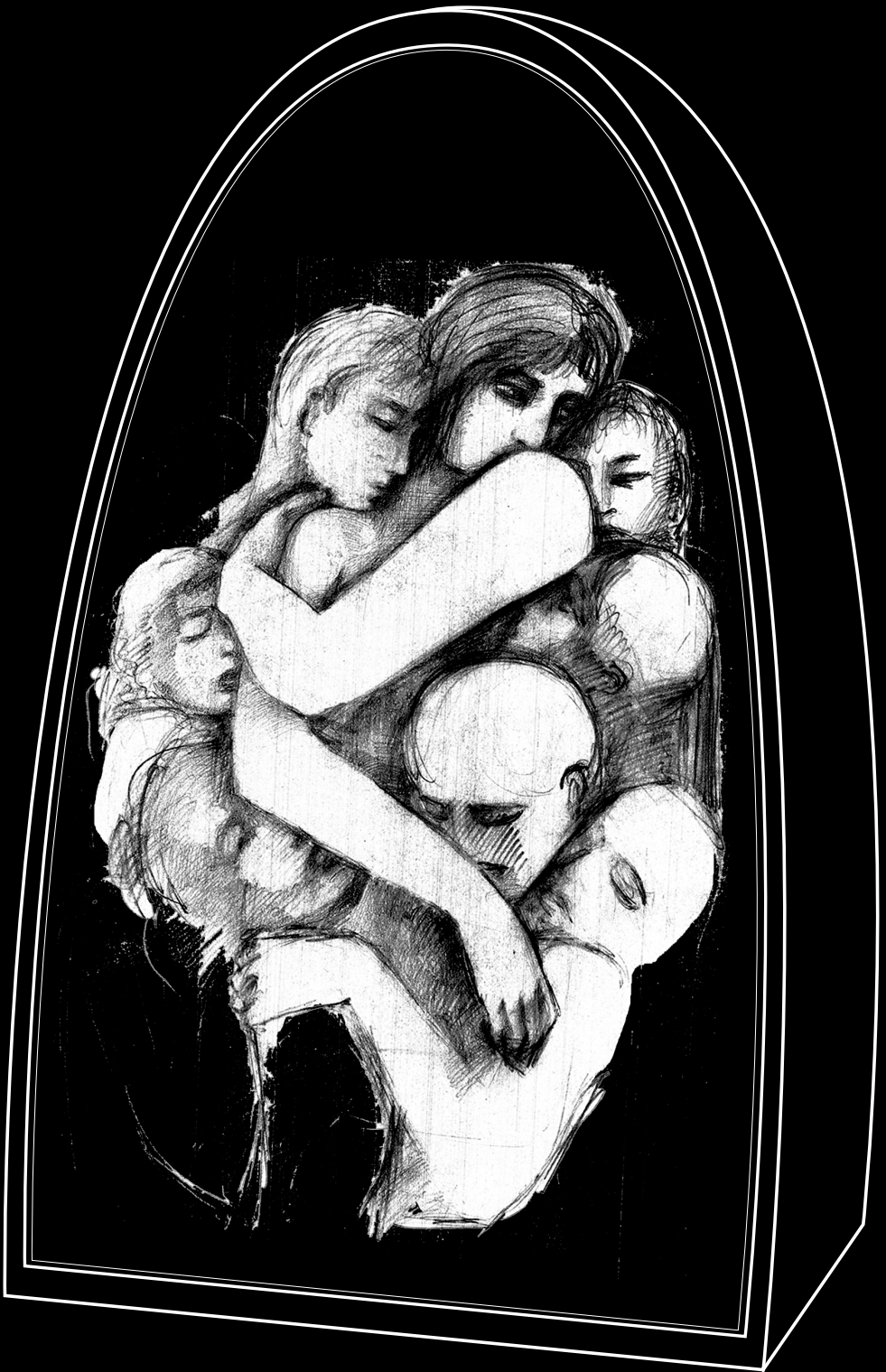
Морскую водоросль ловят
община дикая людей.
У них подводные есть косы,
и нет у них совсем блядей.

И только радио заляпан –
у них, у диких, всё равно.
Они познали божий клапан
и видят райское кино.

Песнь четвёртая

Дезориентированный язык,
цветокоподобное создание,
хотя бы не заикайся, дорогой,
когда свои колкости мне лепечешь.
Давно уж читатель устарел,
но поэтов-ковёрных-инвалидов
всё не завершается марафон –
сладко напрасно щебетать.

В тугие паруса, Гомер, дуй, дуй!
Борта у корабля, песок, жги, жги!
И трижды проснётся в пустой ночи,
не в силах счастья сдержать в лопатках,
многодрочитый подростка член,
наложник времени-забытья,
не знающий, в дырке какой спросить,
возможно ли с женщиной мёртвой ла-ла?

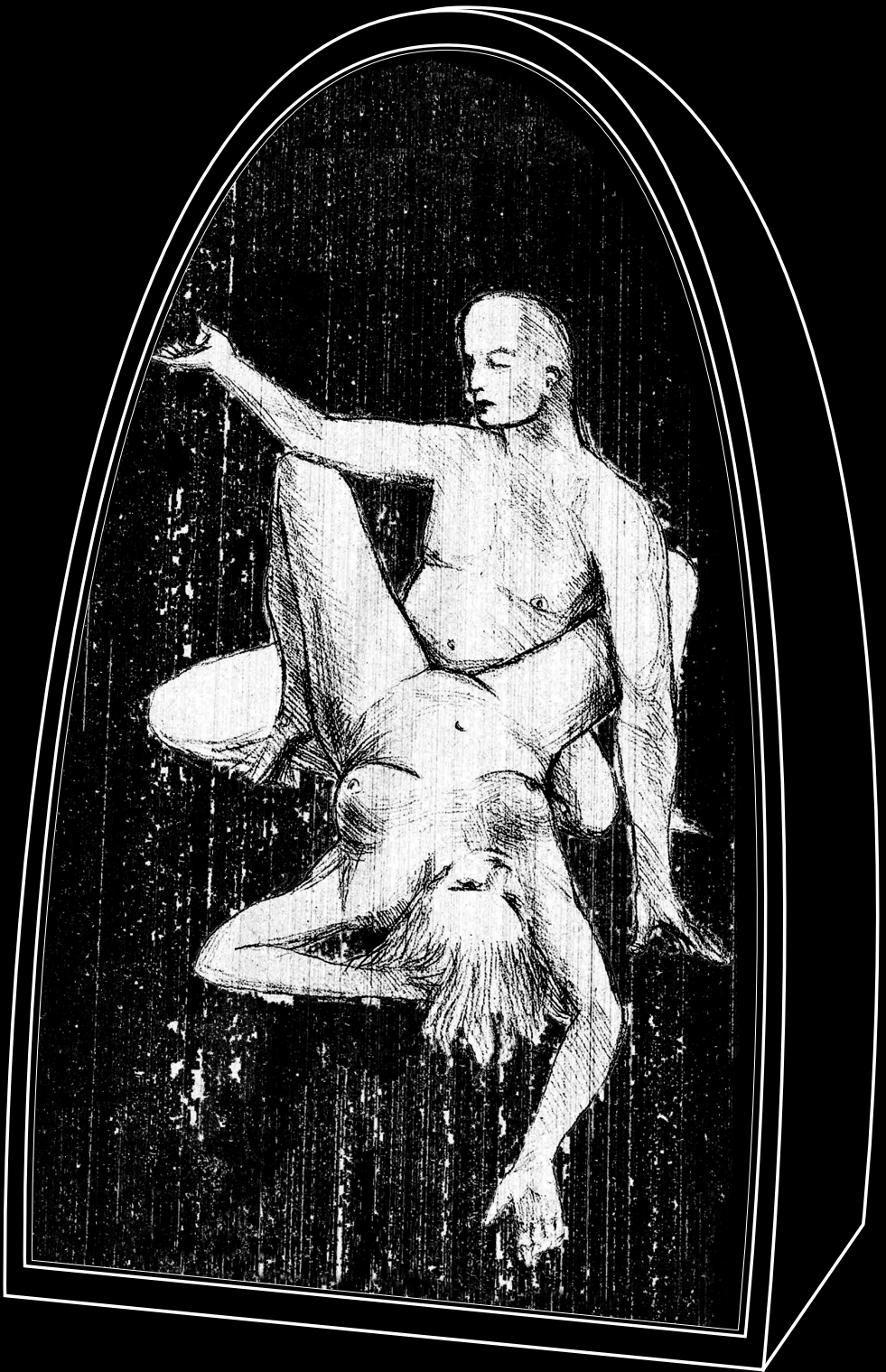
XXXVII

Я мог бы сказать про себя то,
что — с меньшим основанием —
сказал про себя Сент-Бёв:
«Я никому не дал права сказать обо мне:
Он — из наших».

Евреи обрусели
и начали смекать — Эмиль Чоран
пожалуй, от Расеи
не стоит отвыкать.
Плевать на брег турецкий,
не снись, жирафий Чад —
там по задам еврейским
зоилы наступчат.
Зулусы, курды, тюрки,
пантеры, и слоны,
и прочие придурки
отнюдь не влюблены
в народ богоизбранный,
а похотливый гой
грешит в струе нирванной
с еврейкою нагой.
Евреи закусили,
понятно, удила.
Не скинуть их России
со своего крыла.
Летит она низенько,
как прапорщика глюк.
Агукает ли Стенька,
что вышвырнет их в люк?!

Недоброе похмелье
Расеюшкой рулит.
Но слышу уж капель я
и радуюсь навзрыд.
Нет, не форелькой гибкой —
как россы татарву —
Алёнушкой-шахидкой
еврейский лёд взорву!

Ты спросишь — удалось?
Отвечу — удалось.
Не стало пусть лосося —
он был еврей-лосось.
Вот росич-богоносец,
святой воды шелом
(хоть от неё поносец)
набрав, идёт.
Шалом!

Подружка сообщила Бауэру,
что его фамилия задерживает дыхание

Нельзя требовать от языка усилий,
непропорциональных его естественным возможностям,
во всяком случае, нельзя пытаться извлечь из него максимум.
Не будем перегружать слова, иначе они, выбившись из сил, не смогут
уже тянуть на себе бремя смысла.

Эмиль Чоран

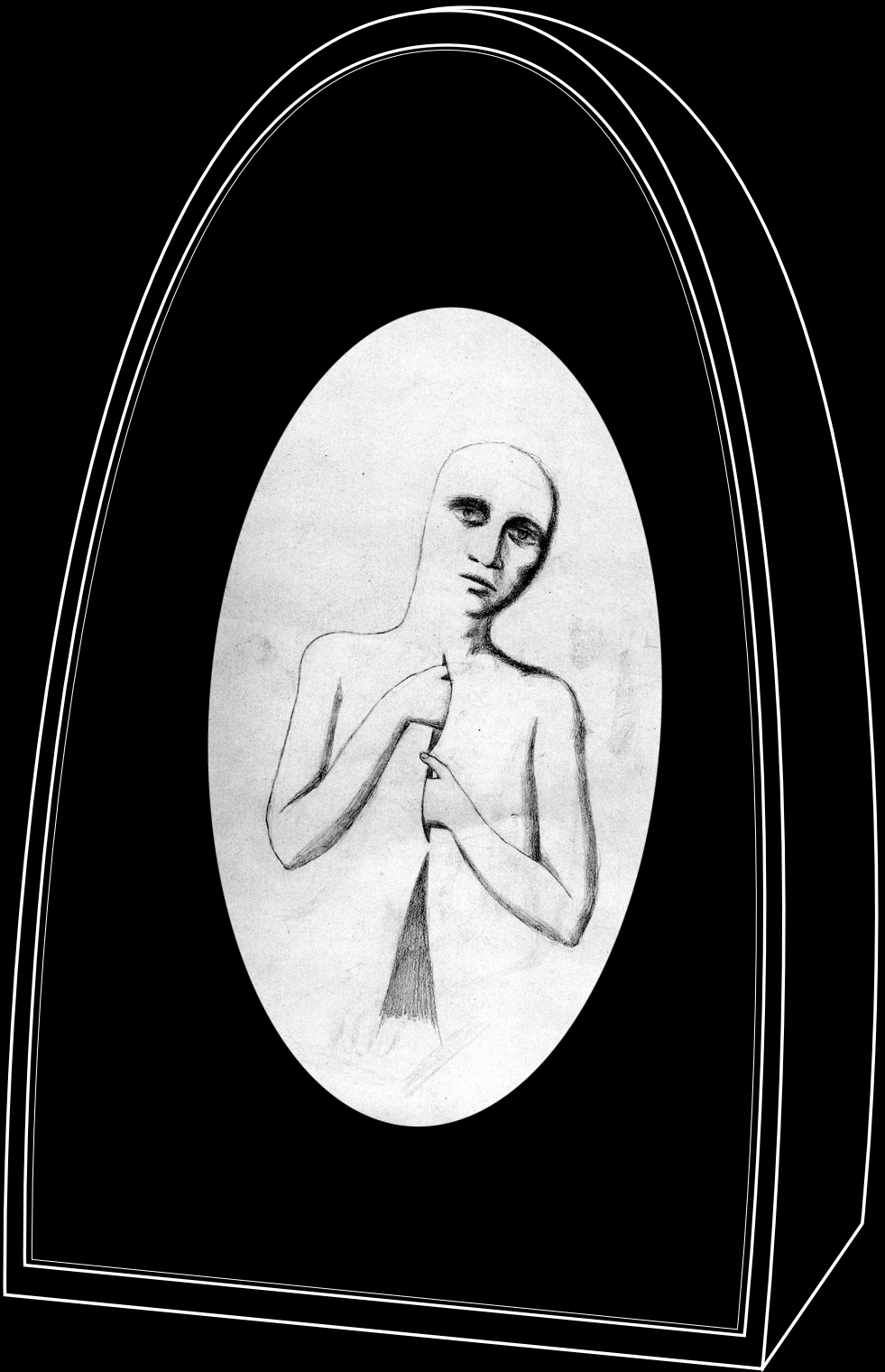
Бауэр не пахнет и не тонет,
но его фамилия дыханья
движенье замедляет.

Гонит
ветр в море утлую лохань.
Кто его загадку распатронит,
разглядит души его Тайвань?

Нету смысла, нету смысла.
Смысла
до хуя, однако: благодать
бауэровскую, морщась кисло,
надо благодарно принимать.
Stog.net Дніпр, свивает волны Висла,
беспременно хочется блевать.

Сколько пыли у него на полках!
Сколько дряни у него в мозгах!
Сколько гадости в его двустволках!
А кровящи-то на сапогах!..
Откровенье ищет в мокрых щёлках,
в, так сказать, инаких берегах.

Уплывай же, тянуший одьяло
на себя, инжир человек. душ.
Как твоя суггестия достала,
рифм обрыдл угрюмый «Мулен Руж».
Сальный монализ Сарданапала,
сап язвящий, ледяной коклюш!

Быть подобным бегуну, который в самый решающий момент
остановился посреди дистанции, чтобы попытаться постичь ее смысл.
Раздумье — это признание того, что ты выдохся.

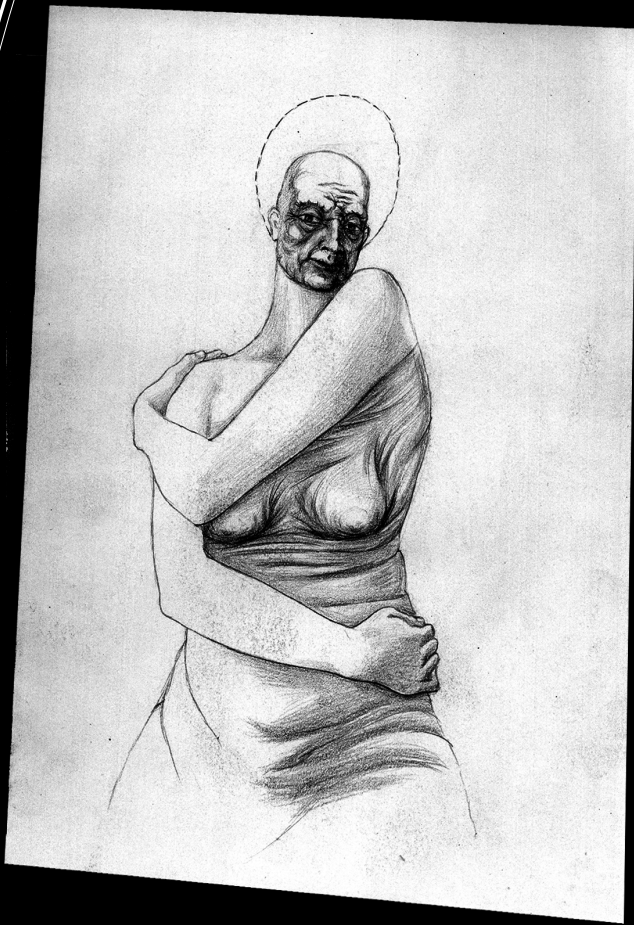
Эмиль Чоран

Натуралова факин-эстетика,
как и геев гламур-эстетик,
в общем, вся эта секс-энергетика
вызывает мучительный тик.

Заебали, короче, по-чёрному.
Всё шуткуют, любви хотят.
К запечённому и проперчённому,
как безумные мошки, летят.

На мораль — опошленье античности —
не косись, всё вберёт, хохоча.
Возбуждающе-жаркую дичь нести
мог и я, и пылала свеча...

Что ж сломалось? Ах, знаю.
Подташничает,
и мерещится хлюпкая слизь.
Вот Сорокин-Какашкин писал, говноед,
всё об этом,
но и у него не особо аппетитно в итоге получилось,
а ведь начиналось-то — заебись!

МАГИЯ РАЗОЧАРОВАНИЯ

XLIV

Если бы ангелы занимались писательством, то —
за исключением падших — их было бы невозможно читать.
Безупречная чистота переваривается с трудом,
поскольку она несовместима с вдохновением.

Эмиль Чоран

Ш. Лемуркину

Я, человек, недалёкий от литературы,
сиюминутных пиитов разглядывая партитуры,
живо себе представляю чудовищные шуры-муры,
проделанные мерзавцами с музой глубококолонной,
ранее уже выебанной семидесятников пятой колонной.

Я, заработавший язву, жря гэги и каламбуры,
требуются, заявляю, литераторы-штукатуры,
шпаклёвщики трещин словесности разноязыкой.
Довольно отапливать космос!
То же самое, кстати, с музыкой.

Мрак многоглазый хохочет, треплет зыбкие стенки.
Блядская слава легко раздвигает коленки.
Хладные струи из щели поднимают, глумясь над птицей,
над уровнем оную кислорода...
В общем, требуются скрипторы без амбиций.

Самое жестокосердное учение о смиреньи
надо заставить зазубривать в обмороке сирени
каждого, даже занюханного, эксплуататора алфавита,
чтоб кромсал аллигатор печень, а не Dolce ублюдку vita.

Музе пристало вести местечковую жизнь мистички.
Дабы не гас горний свет, воровать циклодол из аптечки.
При виде (о ужас!) члена ассоциации аутистов
заводить его в графомань, где анчар ядовит и неистов.

А демиург плодородной литературы
удобрит членскою книжкой
ноосферу съедобной культуры.

XLV

Если бы я ослеп, больше всего меня, думаю,
удручало бы то, что я не могу теперь до полного одурения
смотреть на плывущие облака.

Эмиль Чоран

Слова разумные, когда б каналы вы,
как горько я б сейчас о чувствах пёкся.
Среди в порядке шахматном листвы,
ах, сбрикетированной,

«началось, –
шептал бы, буквой 'г' бродя, –
тех сфер

необратимое, о слёзы, оскуденье,
где фибр душевных формируется трансфёр,
посредством коих лишь и происходит бденье
бессмертных луковиц людских...».

Слова, слова
расчисленные, глупостью гонимы.
Вас мрак сочувственно впускает в рукава
и, отмолчав в себе, формует в дымы,
доступные для зренья в свете дня.

Вдали, над недоумков головами, –
плывите, бред немислимый кляня,
грустите несолёными слезами.

XLVI

Быть или не быть.
... Ни то ни другое.

Эмиль Чоран

Бери, бери чужой экстаз
как несомненный лётный газ.
Свой охладелый цеппелин
заправь и, вдаль плывя один,
на безмятежных вышинах
в инаких просыпайся снах.

Сто проживя чужих судеб,
гарем отведав и вертеп,
познав любимую другим, –
стань только опытом нагим,
в себя вобравшим всё и вся.

Нейтронным мозжечком вися.

XLVII

Самым замечательным в Германии
были евреи. Когда они исчезли,
осталась какая-то гигантская Бельгия.

Эмиль Чоран

Встречает страсть весну, бледна:
*Зима была не холодна,
по-рыцарски готична,
мне с ней спалось отлично.*

*Зачем нарушила покою
свою мутною рекою,
болтливými ручьями,
слюнявými речами?*

*На щепку щепке лезть пора?
Какая, господи, мура –
пунцовые цветочки,
набухшие сосочки...*

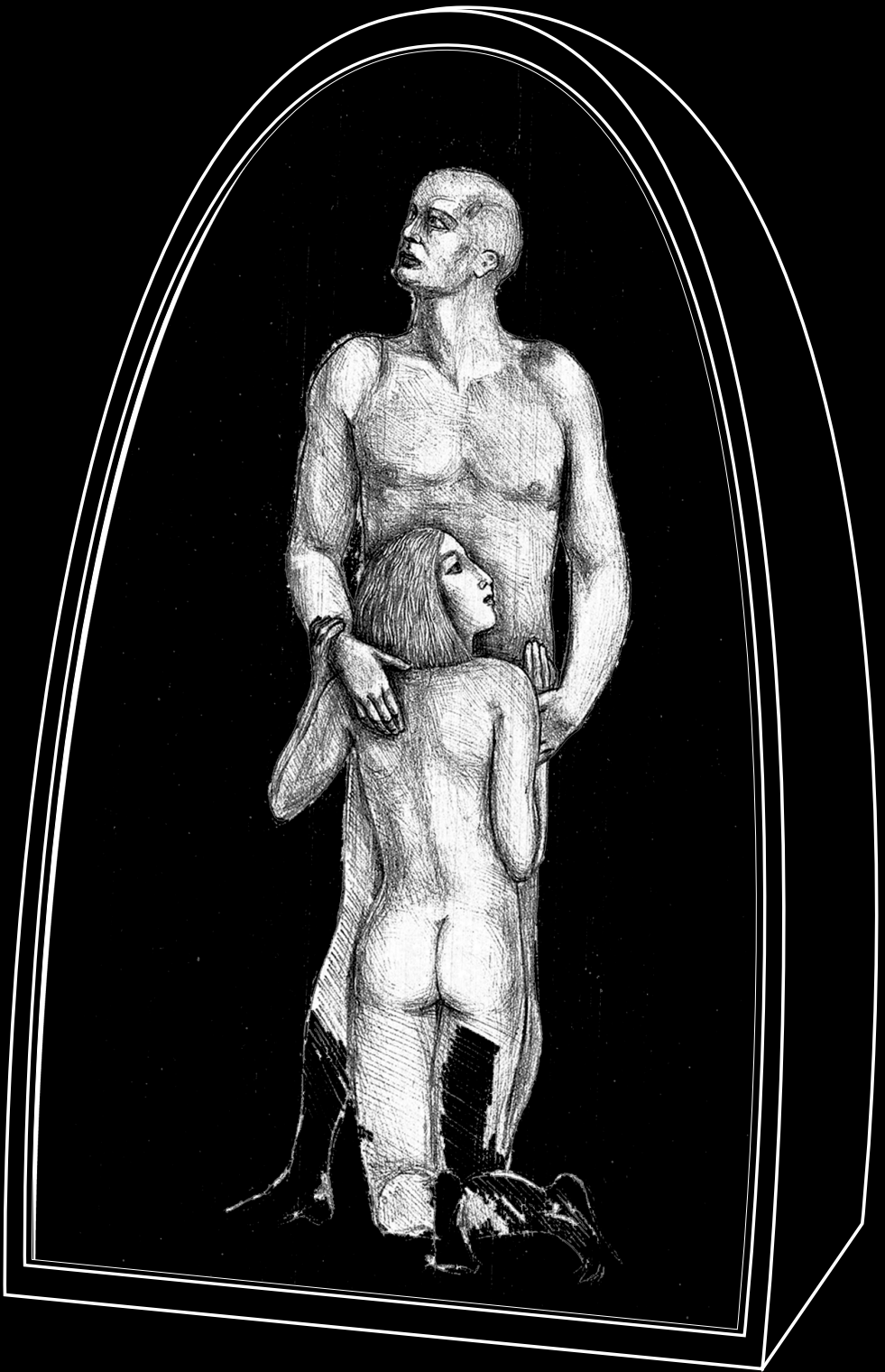
*Мне умный снег приязнь дарил,
парок над головой парил,
сквозь нежные метели
мне ели зеленели.*

*Мороз, колючий философ,
уютной робости засов
иронией резонной
сорвал с души бездонной.*

*Шатун, шальной лесной плейбой,
любовью воспылал прямой.
Жаль, в слепоте пыланья
не избежал закланья.*

*А как смущались снегири
от шепотка "Берёшь? – Бери!"!
А брали как! – ликуя,
прилежно крылышкуя...*

*Тут зев, зелёный – просто страсть,
открыв, весна пожрала страсть:
Люби во тьме утробы
сосульки да сугробы!*

XLIX

Я пытаюсь победить свое равнодушие к ней, представляю себе
её глаза, щёки, нос, губы, охваченные разложением.
Бесполезно: необъяснимое словами чувство остается прежним.
Вот в такие минуты и понимаешь, как это жизни, вопреки Знанию,
удаётся идти дальше.

Эмиль Чоран

Она меня лобзает, но не любит,
но это лучше, чем наоборот.
Находит утешенье грустный хоббит,
и утирает пот со лба Эрот.
Нехилою ценою опыт добыт –
хлад на душе, какой уж тут фокстрот.

А помнишь, раньше, юные, смеялись
и танцевали глупый коровяк.
Мозг не фразировал психоанализ,
по барабану было и ништяк.
Шумел камыш, цвёл май, нуждался Сорос,
плескался спермы полный бензобак.

...Мы в зону въехали, где нет ответов,
да и вопросов уж не задают.
Где, клацколистого волчарника отведав,
всяк сам себе футур-обэриут.
А социум, устав от газаватов:
Насилуют, чуть что орёт, ебут!

И только нежность, как ни невозможна,
как, легкодоступная, ни потёрта не,
манит, блистательна, полувоздушна,
ледащего континуума вне.
В идею женщины, шутя безбодно,
ныряет – чиж в пещере, мышь в слоне...

L

Какой фее я обязан
неистребимой каплей уксуса в крови?

Эмиль Чоран

Моя муза ездит на «мазерати»,
по ночам бухает на грязных пати,
доползает едва до моей кровати.

Ни словца не добиться, одно мычанье.
Не пора ли суровой начать лечение
прозой, спрятать шампанское и печеньё?

Жаль беднягу – штук двести, и что ж, что мёртвых? –
родила стихков мне, все в муках, в спёртых
вождедении тиглях, котлах, ретортах.

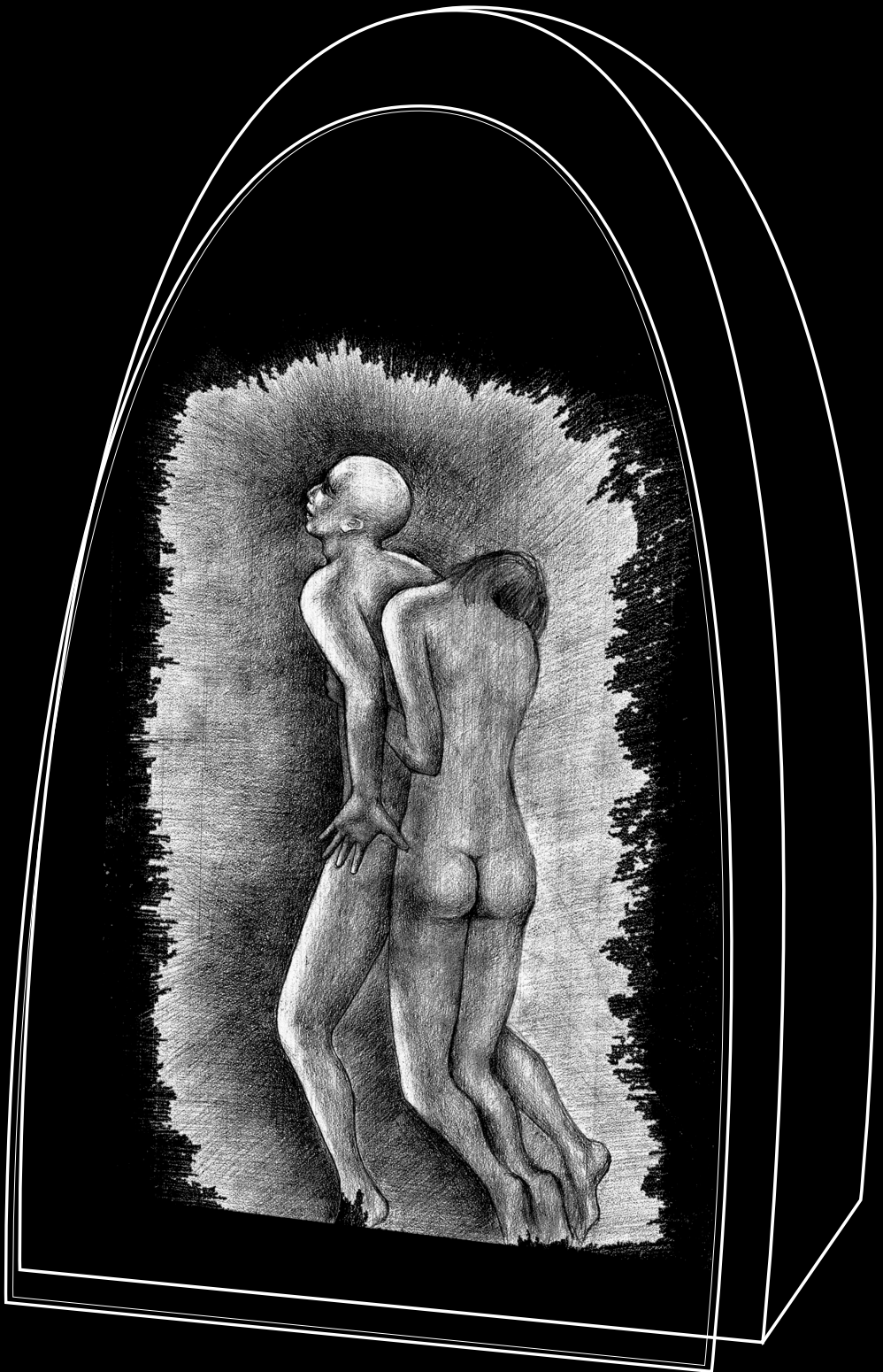
Никогда, бездыханный плодя детинец,
не шептала в бреду: *Сумасшедший немец.*
Слаб твой дар, убог, так сказать, с мизинец.

Аль не знала, когда оставалась греться?
Хочешь жить, – острит, – так умей иметься,
а сумея, добела умудрись отмыться.

...Что, когда за плечами гудят руины,
станет делать прошедший до половины
путь напрасный?

Не резать же, право, вены,
вспоминая душистого тела крики
над костром (прежарки его языки!),
над амбарною книгой смежая веки.

Сибирь и москвичи

Если взаимоотношения между людьми
представляют такие трудности,
то это потому, что люди были созданы,
чтобы бить друг другу морды,
а не ради каких-то «взаимоотношений».

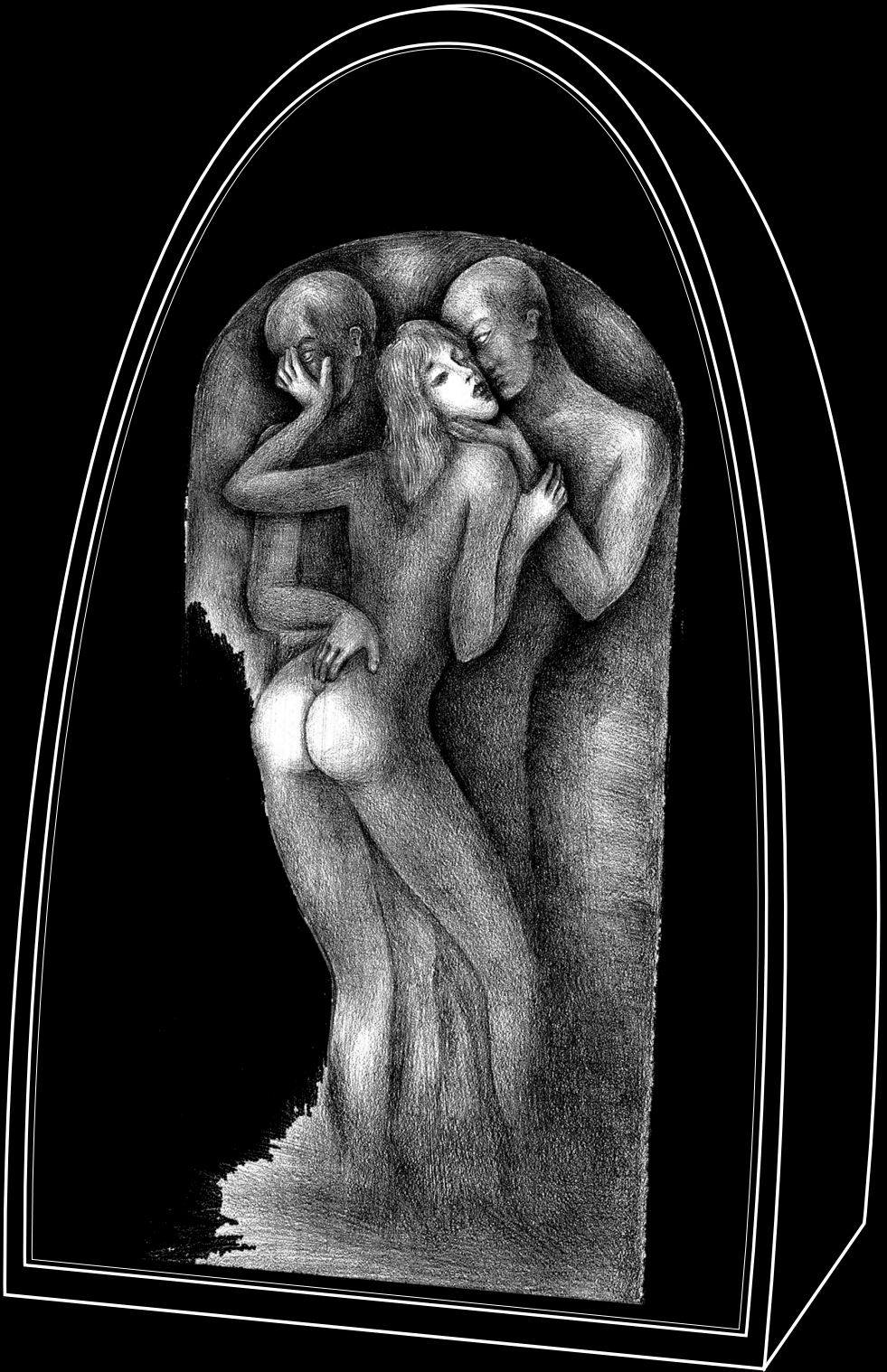
Эмиль Чоран

Зажечь торопишься, поцеловать спешишь,
затем венчаешься в дремучем городишке.
судьба нешуточный показывает шиш,
над головою белки вертят шишки.

Зачем в Россию углубился, друг?
В объятых каменных тебя зажали руды.
Единственный на волесть ноутбук
варварские буравят пересуды.

Ну, как тебе туземный Интернет?
бомонд натянутый учитель упорных?
занозы в жопу шлющий табурет?
заборы слов заборных?

К чему теперь, безумный сибиряк,
мне шлешь через широты,
как охувший радиомаяк,
чудовищные приступы икоты?

Попугай

В наших жилах течёт кровь макак. Если бы мы думали об этом чаще, в конце концов мы сдали бы свои позиции. Никакой теологии, никакой метафизики – лучше сказать, никаких разглагольствований, никакого высокомерия, никакой напыщенности, вообще...

Эмиль Чоран

Бляди должны уходить вовремя, – так она объяснила А. желание успеть к открытию ближайшей станции метрополитена.

Во сне сладчайшем пребывавший, я прощального не помню поцелуя, но шуточку ехидную – вобрал. Деликатная женщина – редкий деликатес. С этим согласились даже А. и его довольный член.

Лети, учетверённая благодарность, вослед деве лунно-лонной. Придавай мужество, утирай слёзы, отгоняй климакс. Да не сгинет сей памятник добрым женским мозгам в клоаке морали тупых сук и старых колдырей. Да не забудется мудрый исход во чрево грохочущее, дремота на плече пролетарском. Славься веселье, неомрачённое утренним: Крошка, ты не из нашего батона, – а также шутка в адрес сонного тетери, всплывшая в памяти оного аккурат в дверях кабинета шефа: Этот попугай слишком ленивый.

LVIII

Не подлежит сомнению, что когда-нибудь
психоанализ будет полностью дискредитирован,
но прежде он успеет лишить нас
последних остатков непосредственности.
И мы уж никогда не будем *невинными*.

Эмиль Чоран

Ах, кто бы дырочку протёр,
в которую верблюд с иглою
следит, горбатый вуаёр,
как дерзкий Дафнис клеит Хлою.
Прикидываясь тюфяком,
ласкает как бы неумело...

Трепещет Хлоя мотыльком,
не умолкает Филомела.

Верблюду хочется.

Хотя
сквозь пыль античную детали
протискиваются, кряхтя,
а вздохи – те совсем застряли.

Так у небесных райских врат,
куда верблюд иглу дотащит,
сей низкой жизни аромат,
в ушко не просочась, обрящет
тоску животную, и стыд
взамен овечьей неги лона,
да на загон – для Аполлона
предавших – выморочный вид.

Преследователь

*Наплакаться и уснуть, другими словами,
вернуться в детство – вот всё, чего я сейчас хочу.*

Эмиль Чоран

Поскольку я не помнил, что за слово,
словарь стоять угрюмо и чернеть.
Что сущего истлевшего основа?
Какая мерзопакостная твердь?!
– Сё вопрошание, юлишь, не ново?
Но в тех же самых не родишься ведь
вторично водах...

Душа погрязла в вечности и млеет
лягушкой, безмятежнее Басё.
Безумья Астероид пламенеет,
наш Паровоз летит и копоть реет,
а Парус носовым платком белеет –
как мельтешение охватишь сё,
основ не ведав?

О Ты, немая жизни единица, –
я, пьяной прижимаясь щекой,
ищу прозвание Тебе –

Мокрица, Плащаница... Утомиться
и спать. И снов не видеть.
Лишь покой.

О Марке Аврелии, по словам его биографа Юлия Капитолина,
говорили, что он выдвигает любовников своей жены
«на разные высокие места».

Мудрость идёт с экстравагантностью рука об руку.
Впрочем, мудрец и заслуживает своего имени только в
той мере, в какой он оригинал, фрукт.

Приязнь твоя бестрепетная мне Эмиль Чоран
любой любви дороже, извращенцу.
И даже на причины наплевать
неравноправья этакого сердцу,
взбодряемому образом твоим
и знаньем – не со мною спишь одним.

Не оттого, что щедр природно я,
а ты до ласк несложных жадновата,
упругий ветер дует в спину мне,
когда тебя я вспоминаю (Мата –
не то чтоб Хари, но близка, близка)
и родинку под клитором соска.

Душевных фибр разнузданный завой
завёл мои отзывчивые чресла
в пленительно-прохладный тупичок,
в котором без уныния исчезла
способность путать с истиною жар
и понимать, о чём снимал Годар.

Возбужденной ночи, как аноним,
пройдя средину, понимаешь только,
сколь обезличен трепет.

Где-то там,
тебя любя, барахтается Колька.
Взрыхляет энтропии огород,
форелиной продалбливая лёд.

К чему готовить нож для Кольки Льда? –
он сам в твоих объятиях растает
(а я, заметь, не оставляю луж).

Бытьё, где заблудились нет и да, –
катись, покуда ветер звонко лает
и треплет сеть ловца весёлых душ.

Если бы всё шло к лучшему, старики, взбешённые тем,
что не могут этим воспользоваться, лопнули бы с досады.
К счастью, курс, с самого начала взятый историей,
примирает их с жизнью и даёт возможность околевать
без малейшей зависти к остающимся.

Эмиль Чоран

...а старость провести в блаженной хуе,
как эти не смогли и не успели те,
вреда не нанося кружащейся среде.

LXII

Да нет, воздуха мне хватает,
но я не знаю, что с ним делать,
зачем его вдыхать...

Эмиль Чоран

Испробовать всё – и забыть,
и мучить подкорку.
Протухшего прошлого снесь,
нервируя Парку,
обнюхивать снова, ропща
на жребий вонючий.
Останки когда-то хряща
швыряючи с кручи.

О, сколько случилось всего
сякого-такого!
Любил неизвестно кого,
виждали нимфетки: *Бравó,
хотим тебя, Вова!*
Мёд страсти из дикой пыльцы
творя, не стремился в творцы –
девический пыл-де.
Летучих приятней чепцы
упали, забыл где.

Перфекционизма змею
уж не обезжалить.
Каких пропастей на краю
не тряся, а, память? –
слепившая мя из одних
проделок говенных,
царица туманов лесных,
догадок мгновенных.

Вдруг более нету щелей
влекуще-смертельных,
над коими слёз и соплей
не лил я похмельных?
Как жить, как пространство глотать,
на харч непригодный
рискуя нарваться опять?
Чем гниль да отраву глотать,
умру-ка голодный.

Найдётся ль в надмирных мирах
для душ, не осиливших крах,
рай адреналина?
О ах, Мнемозина, о ах,
о ах, Мнемозина!

Памятник (сиквел)

«Вечность»: спрашиваешь себя,
как ты сумел выговорить это слово столько раз,
не сойдя с ума.

Эмиль Чоран

Ты не отвертишься от вечности своей,
она верна без колебаний.
Согласных суета и слово-воробей
не избегут её лобзаний.

Как смыслы ни тумань, как в терниях ни тырь
напрасный и случайный дар свой –
найдёт и ясности безумной нашатырь
вручит: живи со мной и царствуй.

С опаской, нехотя, не горячась ничуть,
томленью грозному покорен,
мнёшь трансцендентную, немислимую грудь,
в угрюмой нежности проворен.

Всплывает с грохотом название корабля,
кадабру коего не всякий спишет школьник.
Заиндевает детскосельская земля,
когда по ней нечести вольник,
зело ослабившись, прошествует, ища
упруго-ветреной податливой поживы,
не лавра хрупкого, но грубого плюща,
объятыя чьи смертельно-лживы

(как все слова на свете).

Содержание

Мёртвые на мёртвых разговаривают языках...	V
ЗЛОЙ ДЕМИУРГ	
Терзаться ль тленьем тле?..	VIII
Мне не терпится отведасть...	IX
Лора	XI
Та комната в лишае и фэншуе...	XII
Я в первом классе ненавидела читать...	XIII
Какие-то святые мощи мы целовали...	XIV
Памятник (приквел)	XV
Ещё чуть-чуть – и всё непоправимо...	XVI
Когда капризного кондома...	XVII
– Ты возбуждаешь меня постоянно...	XVIII
Мне больно, а тебе не больно...	XIX
нигде спасенья нету...	XX
Во мне живёт воспоминанье...	XXI
Когда меня захочет бох...	XXIII
ОБОСТРЕНИЯ	
Музыка	XXVI
Кореянку в малые половые...	XXVII
Стрекоза	XXVIII
Вот сочувствие отдаётся, дешевет благодать...	XXIX
Я пытаюсь понять поэта как кинодокументалистка...	XXXI
Жена любовница и хуй...	XXXIII
Песни чижики	XXXIV

Евреи обрусели...	XXXVII
Подружка сообщила Бауэру, что его фамилия задерживает дыхание	XXXIX
Натуралова факин-эстетика...	XLI

МАГИЯ РАЗОЧАРОВАНИЯ

Я, человек, недалёкий от литературы...	XLIV
Слова разумные, когда б каналы вы...	XLV
Бери, бери чужой экстаз...	XLVI
Встречает страсть весну, бледна...	XLVII
Она меня лобзает, но не любит...	XLIX
Моя муза ездит на «мазерати»...	L
приступая к изложению недавних...	LI
Сибирь и москвичи	LIII
Попугай	LV
Рождество	LVII
Ах, кто бы дырочку протёр...	LVIII
Преследователь	LIX
Приязнь твоя бестрепетная мне...	LX
...а старость провести в блаженной хуе...	LXI
Испробовать всё — и забыть...	LXII
Пренебрёг деталями и друзьями...	LXIII
Памятник (сиквел)	LXV

ISBN 978-5-94214-081-6

тираж: 444 экземпляра

**Издание осуществлено на средства
Фонда культурных инициатив
«Центр актуального искусства»
www.dantesam.net**

**© Издательство журнала «Звезда», 2011
© Издательство RK-Publishing, 2011**

**© Владимир Бауэр. Terra Ciorani. Стихи. 2011
© А. К. Графика. 2011
© Иван Рогов. Оформление, макет. 2011
© Александр Низовский. Фотография на обложке. 2011
© Андрей Кореннов. Погребенные идеи. 2008 - 2011**

Свирепый Корректор: Александр Леонтьев

